

Ю. Н. Сытина (Москва)

И. А. ЕСАУЛОВ В БОЛЬШОМ И МАЛОМ ВРЕМЕНИ

Ивану Андреевичу Есаулову не раз случалось обронить фразу, ставшую среди его друзей крылатой: «Я не всегда был филологом». Однако именно филология — по крайней мере, насколько известно широкой общественности, — основное поле его деятельности. Ему принадлежат 10 монографий, более 300 статей, им прочитано множество публичных лекций и докладов (особенно стоит выделить цикл передач «Беседы о русской словесности с Иваном Есауловым» на радио «Радонеж»), по данным РИНЦ он входит в число наиболее цитируемых литературоведов Российской Федерации. В этом году мы отмечаем шестидесятилетний юбилей Ивана Андреевича, более сорока лет связывают его с филологией, и это призвание можно назвать и наследственным — его отец, Андрей Мартынович Есаулов, до переезда в Сибирь и кардинального изменения жизни, был учителем русского языка и литературы.

Род Есауловых уходит корнями в историю России, и его представители чувствуют свою ответственность за происходящие события, связывают свою жизнь со служением Богу и Отечеству. Хотя место рождения Ивана Андреевича — Сибирь, своей «исторической родиной» он считает Москву, прародиной — Дон. Отец, заставший, между прочим, еще Российскую империю (родился в 1909 году), — донской казак, фронтовик, был вынужден после немецкого концлагеря и пребывания в американской зоне оккупации Германии сменить профессию учителя на совсем иную и добровольно-принудительно уехать из Центральной России в Сибирь. Отношение советской власти к казачеству, начиная с директивы Свердлова 1918 года, хорошо известно. Из десяти братьев отца к концу двадцатых годов в живых остался лишь один. Поэтому многие факты семейной биографии родители, заботящиеся о судьбе своих детей в советской стране, старались не разглашать. Тем более, в данном случае неблагонадёжность проступала в самой фамилии. Как-то (уже

в постсоветское время) Иван Андреевич получил письмо из города Бор, в котором утверждалось, что, увидев его на экране телевизора по каналу «Культура», зрительница узнала в нём своего прапрадеда Алексея Семеновича Есаулова, контр-адмирала Российского Императорского флота (эта история, включая сам портрет предполагаемого предка, излагается в главе «Моя родословная: потомственный контрреволюционер» книги «Постсоветские мифологии: структуры повседневности», см.: [Есаулов 2015, 554–554]).

Дедушка Ивана Андреевича (по линии мамы) — с русского Севера, строил при царе Николае II Транссиб (в частности, тоннели вокруг Байкала, которые его внук впервые увидел сам лишь в десятых годах XXI века), при Советах же оказался в Мариинской тюрьме, из-за протеста против принудительной реквизиции накопленного им ночами по неудобьям сена (на глазах уполномоченного он сжёг стог). Бабушка (по той же линии) — из столыпинских переселенцев, до конца жизни сохранила, как вспоминает Иван Андреевич, особенности курского говора. Судя по всему, ее братья принимали участие в антибольшевистском сопротивлении двадцатых годов. Одного из них Есаулов успел увидеть, оказавшись в Кемерово: тот, незрячий, каждое воскресенье на автобусе ездил — в советские годы — на службу в единственную в городе церковь.

Сам Иван Андреевич, несмотря на внешнюю «успешность» своей «научной карьеры» (к чему он всегда относился предельно иронически), многократно подчеркивал, что зачастую сознательно шел «против течения»; например, в период постсоветского идеологического «раздрая» и групповой ангажированности неизменно старался сохранять личную свободу. Свои работы ученый как-то назвал частью «христианского сопротивления».

Присущие Есаулову независимость жизненной позиции и оригинальность понимания литературы во многом связаны с его не совсем типичным для «советского мальчика» детством. Он вырос в глубине Сибири, в самом центре Евразии, в собственном доме из бревен лиственничной, с настоящей русской печью, курами, лошадью, коровой, какими-то совсем особенными гусями, умевшими летать поверх проводов (иногда о них разбивавшимися, когда залетали домой во двор), и прочей живностью. В отличие от большинства сверстников (и на его сибирской родине), не ходил в советский детский садик. В детстве Иван Андреевич соприкоснулся с исконно русскими традициями — как он пишет в «Пасхальности русской словесности» о своей маме, Ульяне Дмитриевне, памяти которой и посвящена эта книга, она «все советские шестидесятые и семидесятые ежегодно носила “пасочку”¹ на край села местным убогим,

которые сами были не способны ее приготовить: это действие мама понимала отнюдь не как христианскую *благодетельность* или сознательное противодействие советскому режиму; “просто” она почему-то “знала”, что у каждого в этот день *должен быть праздник*» [Есаулов 2004, 17] (курсив автора. — Ю. С.). Жизнь в таком удаленном от «столиц» месте (Иван Андреевич так его определяет: «я родился в Мариинском уезде Томской губернии») имела тогда то несомненное преимущество, что уровень свободы был гораздо выше, чем в целом по стране. Многие вещи, которые привыкли там свободно обсуждать («дальше Сибири не сошлют»), затем, уже в университете, не обсуждались вовсе или обсуждались в узком кругу, полушепотом.

Вместе с тем Иван Андреевич был, по его собственным словам, «книжным мальчиком». Он очень рано научился читать, его воспитанию родители уделяли большое внимание (по-видимому, еще и потому, что он был, что называется, «поздним ребенком» — не только по советским понятиям, но и даже по нынешним). Уже тогда, в частности, собирая и читая «малое» академическое издание А. С. Пушкина шестидесятых годов, будущий ученый начал формировать свою собственную библиотеку (теперь весьма и весьма обширную).

В первом классе выяснилось, что домашняя подготовка в общем-то делает обучение со сверстниками ненужным, и учителя предложили перевести ребенка сразу в третий класс, но родители отказались. По воспоминаниям Ивана Андреевича, класса до восьмого он потерял всякий интерес к обучению в школе, сначала легко справляясь со всеми заданиями, не прибегая к учебникам, а потом вовсе забросив учебу. С ближайшим другом они организовали «тайное общество»: вели дневники, создали целую альтернативную реальность: виртуальное государство со своей конституцией, финансами, культурой (была своя летопись, свои праздники и т. д.), спортивными состязаниями (например, чемпионатами по шахматам: сыгранные партии записывались и затем анализировались). Мечтая в юности о карьере спортсмена, он несколько раз становился чемпионом школы по шахматам, футболу, теннису (за неимением корта для большого тенниса — по настольному). Будучи еще школьником, играл в полузащите местной взрослой футбольной команды, становился чемпионом своего района, в этом статусе команда играла и на областных соревнованиях, что для маленького населенного пункта было уже большим успехом. Таблицы футбольного чемпионата регулярно, после каждого тура, публиковались в местной газете, как и результаты матчей...

Другим сильным увлечением подростка была музыка: учась в местной музыкальной школе, он стал членом взрослого музыкального ансамбля

«Новояры», в котором играл (на разных инструментах — от ионики до бас-гитары), будучи еще школьником, и на сцене Кемеровского театра драмы.

Иван Андреевич сохранил самые добрые и благодарные воспоминания о школе — этом, по его словам, сибирском «Итоне», в котором работали замечательные учителя с университетским образованием (школа, основанная еще в начале XX века, переехала в новое здание как раз тогда, когда он пошёл в первый класс): с некоторыми из педагогов у него были вполне товарищеские отношения, что тоже было не совсем типично для тех лет... В старших классах учеба (а не только неформальное общение) наконец увлекла Есаулова, и он сдал все выпускные экзамены на «отлично». Впрочем, между школой и университетом был временной зазор.

Чтобы проверить себя во взрослой жизни, Иван Андреевич принял неожиданное решение: после окончания школы год провел на Ачинском глинозёмном комбинате (Красноярский край), где, как потом — по обыкновению иронически — замечал, отдельно выучился «некоторым полезным для жизни навыкам», не совсем типичным для «книжного мальчика». Нельзя сказать, что, играя во взрослой футбольной команде или, скажем, демонстрируя навыки езды на заднем колесе своего чешского мотоцикла «Ява», он вовсе не умел за себя постоять, но все-таки новые «навыки», очевидно, как-то пригодились позже, когда по разным обстоятельствам ему довелось побывать в различных — порой экзотических — точках на карте мира (о которых нет возможности распространяться в рамках «филологической» статьи); пригодились, наверное, вкупе с пробудившейся родовой казачьей памятью.

Размышляя о будущей профессии, Есаулов в школе, как уже было упомянуто, всерьез подумывал о спортивной карьере, причем колебался, футбол выбрать или теннис, но лет в 16 понял, что «великим спортсменом» ему не стать, и, будучи по собственным его словам, максималистом, вообще отказался идти по этой стезе.

Еще в школе его очень увлекала история, и изначально он планировал поступать на исторический факультет, но, поняв неизбежную тенденциозность истории как науки в советское время, без особого энтузиазма поступил на филологический факультет Кемеровского университета. Однако довольно скоро учеба его «затянула». В это время здесь — и на лингвистических, и на литературоведческих кафедрах — преподавали молодые и талантливые педагоги, затем получившие широкую известность. С особой теплотой Иван Андреевич вспоминает декана филологического факультета Василия Николаевича Данкова, который, как и другой преподаватель, Виктор Васильевич Иваницкий, пытались увлечь способного студента языкознанием...

На первых курсах Есаулов стал сотрудничать с разными печатными изданиями, попутно, на «факультете общественных профессий», получил дипломы радио- и фотожурналиста. Работа нравилась, но цинизм журналистской среды, сопоставимый, по словам Ивана Андреевича, разве что с партийным, отвратил его от первоначального намерения посвятить жизнь журналистике. Так и состоялся переход к научной (литературоведческой) карьере...

На третьем курсе Есаулов стал председателем Научного студенческого общества филологического факультета. В этом качестве он с большим энтузиазмом организовывал масштабные всесоюзные научные конференции, на которые в далекий сибирский город приезжало достаточно много студентов из других университетов страны (и не только РСФСР). Выходили и тезисы студенческих выступлений (в прилагаемой библиографии не учитываются). Несколько раз Есаулов отказывался от предлагаемого ему членства в КПСС (как отличнику, ведущему «здоровый образ жизни» студенту, да к тому же и с «рабочей» графой в трудовой книжке, что, очевидно, как-то «закрывало» фамильную неблагонадежность), отговариваясь «неготовностью» и организацию студенческой науки выдавая за «общественную» работу («чтобы отвязались»). Этот отказ был дан в то самое время, когда большинство, напротив, жаждало вступить в партию, отлично понимая, что именно нужно для успешной карьеры.

На третьем же курсе, будучи к тому времени уже именованным стипендиатом, отказался и от предложенного ему перевода в Ленинградский университет (как он потом рассказывал, «из высокомерия»), в частности, поскольку не хотел «терять» год (условием перевода была необходимость перейти на курс раньше, и тем самым закончить учебу на год позже). На старших курсах, выступая на межвузовских студенческих конференциях, получал дипломы за лучшие доклады (в том числе, в Московском и Ленинградском университетах), а также был отдельно отмечен дипломом Минвуза СССР во Всесоюзном студенческом конкурсе на лучшую научную работу по филологии [см.: Дарвин 1984: 90].

В 1983 году поступил в аспирантуру того же университета, избрав для себя наиболее «нейтральную» (по отношению к «идеологии») специальность — теорию литературы (научный руководитель — Валерий Игоревич Тюпа). Хотя кандидатская диссертация была написана не только в срок, но и досрочно, и дальше никогда не «дорабатывалась», по не вполне понятным до сих пор ему самому причинам, защита затянулась — до 1989 года. В конце концов диссертация на кафедре теории литературы МГУ (где позже и состоялась защита) попала в руки Валентина Евгень-

евича Хализева, который в своем отзыве высоко оценил научные возможности соискателя, подчеркнув, что работа значительно превосходит обычный уровень кандидатских исследований. Юрию Борисовичу Борову, который готовил отзыв ведущей организации (ИМЛИ), исследование понравилось настолько, что он тут же предложил соискателю написать две главы — о целостности литературного произведения — в предполагавшейся коллективной монографии (предложение не реализовалось).

Как и научную, преподавательскую деятельность Иван Андреевич начал на филологическом факультете Кемеровского университета, где вел занятия с первого года аспирантуры. В 1990 году получил предложение занять должность в Сибирском отделении Академии наук (Институте философии, филологии и истории). Готовясь к переезду, сидя в буквальном смысле на чемоданах и вооружившись красно-белой, «спартаковских» цветов, югославской портативной пишущей машинкой Unis-Luxe (тогда им и был освоен десятипальцевый «слепой» метод печати), он набирал свою первую книгу «Эстетический анализ литературного произведения» (вышедшую в Кемерово в 1991 году, когда автор уже жил в новосибирском Академгородке).

Увы, пока он переезжал, рухнул СССР, и вместе с ним все предполагавшиеся жизненные планы. Так, вместо чаемой Академии наук, Иван Андреевич оказался в Новосибирском педагогическом университете (тогда — институте), куда ему, из его части Академгородка, нужно было добираться по чудовищным дорогам на трех видах транспорта, иной раз три часа в одну сторону...

Впрочем, живя два года в Академгородке, Есаулов не только разрабатывал и преподавал совсем новые для себя учебные курсы (например, по русскому Зарубежью), но и, благодаря изменению общественно-политического климата в стране, как-то пытался сам воздействовать на ситуацию, став, по словам одного из его рецензентов, «одним из главных публицистов антикоммунистической газеты конца 80-х годов прошлого века «Северо-Восток»» [Есаулов 2015, 604], распространявшейся по всей территории Сибири. Некоторое время Есаулов был и одним из ее соредакторов, именно тогда в «Северо-Востоке» впервые стали публиковаться широко известные затем в России Юрий Кублановский и Михаил Назаров.

Первая рецензия на книжку, вышедшую еще в Кемерово, была опубликована не на родине, а за границей — в Загребе, профессором, а ныне уже и академиком Хорватской Академии наук Йосипом Ужаревичем (на хорватском языке). С этого началось плодотворное и довольно необычное для человека, родившегося в СССР вдалеке от «культурных столиц», сотрудничество Ивана Андреевича с зарубежными коллегами.

К слову можно добавить, что самая большая по объему рецензия на его книги вышла в Сербии (по-сербски), автор — профессор Таня Попович.

Получив предложение от Галины Андреевны Белой поучаствовать в создании «с нуля» историко-филологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Есаулов в 1992 году переехал в Москву. Не считая составления разнообразных учебных планов и программ (которые также не указываются в прилагаемой библиографии), он занимался организацией научной работы (например, проводил весьма представительный цикл конференций «Постсимволизм как явление культуры» (1995–2003 гг.)², фактически вёл филологическое направление «Университеты России», руководителем которого была Г. А. Белая, и т. п.

Одновременно с преподаванием в РГГУ Иван Андреевич пять лет работал в Петрозаводском государственном университете (где и получил звание профессора в 1998 году), а также пять лет занимал административную должность проректора в Государственной академии славянской культуры, активно сотрудничал с рядом зарубежных университетов.

В 1997 году Есаулов совершил большое лекционное турне по предложению пятнадцати немецких и австрийских университетов, читая доклады от Киля и Гамбурга до Инсбрука и Зальцбурга. Он был приглашенным профессором в норвежских университетах Бергена (несколько раз) и Тромсё; в первом из которых и была им закончена в 1995 году книга о соборности. Несколько семестров он провел в США, где преподавал различные курсы по русской литературе и принимал экзамены у местных студентов в одном из центров американской русистики — The Ohio State University (в частности, читая курс о святости в русской литературе, чего он не мог делать, например, в РГГУ). В том же городе Коламбус, штат Огайо, в летние месяцы он работал в знаменитой Хиландарской библиотеке. Именно студенты OSU просили руководство университета несколько раз продлевать контракты с Иваном Андреевичем. В интервью он подчеркивал, что, вопреки бытующему предубеждению, с наибольшей степенью отзывчивости студентов столкнулся именно в США, и степень их заинтересованности «действительно совершенно иного порядка, чем, к сожалению, типичной нынешней студенческой аудитории в РФ» [Есаулов 2015, 552].

Читал он и отдельные курсы лекций во Франции (в университете Лион-III): по истории русской поэзии начала XX века. В последующие годы выступал в американском Принстоне, ряде итальянских университетов, Германии, Хорватии, Литве, Японии, Китае...

В 1995 году в издательстве РГГУ вышла монография Есаулова «Спектр адекватности в истолковании литературного произведения:

«Миргород» Н. В. Гоголя», в которой ученый развил теоретические положения своей первой книги «Эстетический анализ литературного произведения». В монографии 1995 года Есаулов расширил обоснование возможности различных интерпретаций литературного произведения (впервые термин «спектр адекватности» был предложен ученым еще в 1988 году [Есаулов, 1988]). Автор объясняет, почему филологическая наука не должна ставить своей целью поиски единственно возможного, «правильного» прочтения (предполагая, что все другие будут при этом «неправильными»). В то же время, как он подчеркивает, недопустим и субъективистский («постмодернистский») произвол в истолковании текстов: необходимо очертить возможные границы адекватных прочтений, диктуемые самим произведением, типом культуры и аксиологией автора. Здесь же ученый обосновывает необходимость различать понимание, анализ и интерпретации, и настаивает на субъектно-субъектной (интерсубъективной) природе всякого понимания, на необходимости «диалога согласия» автора и истолкователя. Принципиально важной для Есаулова является исследовательская позиция, основанная на позитивном отношении к фундаментальным ценностям рассматриваемого автора, что необходимо учитывать и при преподавании литературы (см.: [Есаулов, Сытина]). *Радикальное* расхождение аксиологических установок исследователей и предмета их изучения, по его мнению, приводило и приводит к явному искажению истории русской литературы.

Концептуальный подход Есаулова к творчеству Гоголя в монографиях 1991 и 1995 гг. принципиально различен — это позволяет говорить о том, что именно в эти годы исследователь приходит к необходимости корректировки прежней методологии изучения поэтики произведений посредством выявления христианского текста и подтекста отечественной словесности. В первой книге рассматривается исключительно «мифопоэтическая» реальность гоголевского цикла, тогда как во второй — ее описание обогащается выявлением и демонстрацией христианского (православного) подтекста, проступающего в интенции пути от «мира» к «городу». Этот православный подтекст, по аргументированному мнению ученого, усложняет «мифологическую модель» мира, наполняя ее христианскими смыслами [Есаулов, 1995b: 81]. Таким образом, на том же материале Есаулов переходит к новой (но не порывающей с предыдущей, а развивающей и усложняющей ее) научной парадигме, которая и ложится в основу всех его последующих трудов.

В то же время, критикуя понятие «религиозная филология», Есаулов подчеркивает, что занимается филологией как таковой и полемизирует с учеными, фактически уподобляющими православие идеологии и стре-

мящимися «механически» накладывать каноны православной догматики на художественное творчество, дабы затем «оценивать» идеологическую «правильность» произведений и их авторов. Такой подход, по его мнению, является «внешним» объяснением, выходящим за пределы «спектра адекватности» (см.: [Есаулов, 2008]).

В 1995 году в издательстве Петрозаводского университета вышла монография Есаулова «Категория соборности в русской литературе»³ солидным для университетских изданий тиражом — три с половиной тысячи экземпляров. Эскиз для суперобложки был передан автору Екатериной Селивёрстовой — вдовой знаменитого художника Юрия Селивёрстова (автора известного цикла портретов великих отечественных мыслителей) и представлял собою макет проекта восстановления московского храма Христа Спасителя. Впоследствии Есаулов так раскрыл смысл этого эскиза: «<...> в нем идеально выражена идея книги — всё разрушено. Точнее, почти всё. Я исхожу из того, что советская культура не является продолжением русской православной культуры. От великой русской культуры осталась разве что маленькая часовенка — что-то неуничтожимое» [Есаулов, 2013].

В аннотации к монографии указано, что она содержит «богатый материал, который может быть использован для последующего создания принципиально новой истории русской литературы, глубоко связанной с доминантным для отечественной культуры типом христианской духовности» [Есаулов, 1995а: 2]. Эта книга стала фундаментом новой концепции истории русской литературы, предложенной и обоснованной Есауловым в дальнейших его работах. Метафорически выражаясь, «часовенка» на обложке не просто явила собою что-то «неуничтожимое», но и послужила краеугольным камнем в построении концепции нового понимания русской классики.

Являясь «ведущей категорией русского православного христианства» [Есаулов, 1995а: 4], *соборность* до Есаулова никогда не рассматривалась в качестве категории *поэтики*⁴. Став же таковой в работах ученого, она позволила принципиально иначе взглянуть как на отдельные произведения русской классики, так и на историю отечественной словесности (и даже шире — культуры) в целом. Далеко не случайно, что первым литературным памятником, к которому в данной монографии обратился автор, стало «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Важно не только то, что это — первое оригинальное произведение русской словесности, но прежде всего, что «в разграничении Закона и Благодати можно увидеть “ключ” к рассматриваемой категории. <...> Благодать Божия — “зерно” самой соборности. Действие благодати митрополит

Иларион относит не только к отдельной личности, но и к народу в целом. Одновременно в этом тексте наличествует и вектор духовности, ограничивающий позднейшие произвольные манипуляции с толкованием соборности» [Есаулов, 1995а: 16–17].

В последующих главах монографии ученый показывает, что *соборность* оказывается во многом смыслообразующей в «Слове о полку Игореве», «Капитанской дочке» Пушкина, «Миргороде» и «Мертвых душах» Гоголя, «Войне и мире» Толстого, «Братьях Карамазовых» Достоевского, «Студенте» и «На святках» Чехова. Обращается автор и к проблеме «трансформации» русской духовности и ее судьбы в XX веке, исследуя литературу русского зарубежья (сопоставляя творчество Набокова и Шмелева) и «религиозный вектор» советской литературы (в частности, попытку подмены соборности тоталитарным коллективизмом).

«Его ключевое наблюдение состоит в том, — резюмирует содержание последних глав “Соборности...” В. Террас, — что советская литература была не столько атеистической или даже материалистической, сколько антихристианской. Она допускала *обожествление* Ленина, имела свой свод мучеников и создала богатую революционную мифологию»⁵ [Terras].

В свое время В. Н. Захаров, размышляя над исследованием христианских традиций в русской литературе, особо выделил «Категорию соборности в русской литературе» как «оригинальное и новаторское исследование, автор которого *дает новое определение содержанию русской литературы*»:

«И. А. Есаулов не только ввел в критический обиход новые категории филологического анализа, но показал и доказал их плодотворность в анализе русской литературы. В заглавии работы указана одна категория — *соборность*, на самом деле их три: *соборность, закон и благодать*. Они не новы в тезаурусе русской духовной мысли, но впервые стали категориями филологического анализа <...> открытие И. А. Есаулова дает больше, чем новое прочтение известного, — оно дает возможность адекватно прочитать и понять русскую классику, понять проблему советской литературы (ее духовную тщету и историческую обреченность), осознать трагедию русской литературы в изгнании, угадать перспективы выхода из современного кризиса» [Захаров: 5–6].

Впрочем, далеко не все коллеги ученого приняли его труд.

Так, журнал «Новое литературное обозрение», три года после выхода книги хранивший полное молчание о ней, в конце 1998 г. опубликовал своего рода «донос» (с заботливым указанием места работы Есаулова) — рекордную для «НЛО» по объему (19 страниц, набранных

петитом!) «рецензию», где социолог Л. Д. Гудков (будущий директор «Левада-Центра») предупреждал об общественной опасности данной монографии:

«Чтение книги тяжело и непродуктивно <...>. Утверждение соборного начала в качестве высшей ценности русской культуры, познания, этики и т. п. <...> — это формула интеллектуального поражения <...>. Это <...> ограничение и поражение центральных символических структур, ответственных за инновацию и ценностную универсализацию» [Гудков, 1998: 369, 371].

Автор, в свою очередь, так отозвался на эти «опасения»:

«...забавно некоторое самозванство этих “структур”, ведь совершенно неясно, почему Гудкову представляется, будто *именно они* непременно “ответственны за инновацию”: подобная анонимность вполне квалифицированно демистифицируется современной социологической литературой, жаль, что “ответственный” Гудков, вероятно, не вполне освоил ее: но тогда зачем же так сердиться, что его “центральные структуры” уже почти изгоняемы <...> из вождельного “центра” (или, во всяком случае, “ограничены” в манипуляциях) и зачем признаваться в “поражении”? <...> Особенность же аргументов Гудкова такова, что фобия быть символически вытесненным на периферию вынуждает его не ограничиваться идеологическими ярлыками, не затрудняя себя аргументацией, но и принуждает обратиться к *начальству*: так не хочется ему покидать эти хотя и “символические”, но “центральные структуры”» [Есаулов, 2008: 612–613].

Профессор Саратовского университета В. С. Вахрушев, обратившийся тогда же с возмущенным письмом в редакцию «НЛО» (см.: [Вахрушев, 1998]), защищая ученого от идеологических обвинений, впоследствии писал:

«...следует заметить, что в настоящее время И. А. Есаулов занимает лидирующее положение в лагере <...> приверженцев “православного” направления в русском литературоведении. Среди прочих его адептов он наиболее академичен по стилю и характеру аргументации, наиболее авторитетен среди зарубежных славистов, одобряющих русскую ветвь православного христианства. Его труды — это отпор тем хулителям православной культуры русского народа, которые видят в ней лишь “сублимацию неврозов”, “комплекс неполноценности”, скрытое язычество и даже “сатанизм”» [Вахрушев, 2006: 215].

В 1996 году Есаулов защитил докторскую диссертацию «Категория соборности в русской литературе XIX—XX веков» в Московском государственном педагогическом университете (официальные оппоненты:

В. Н. Захаров, Л. А. Смирнова, Б. Н. Тарасов, ведущая организация — МГУ). К защите поступили отзывы славистов из Кембриджского, Принстонского, Берлинского, Загребского и других отечественных и зарубежных университетов. По воспоминаниям участников, защита была в высшей степени неформальной и многолюдной, несколько напоминавшей аналогичные диспуты в исторической России (известные нам по биографическим источникам), длилась около пяти часов, причем — с непредсказуемым исходом.

Как заметил в свое время высоко ценимый Иваном Андреевичем Питирим Сорокин, резко поляризованная реакция типична «для подавляющего большинства крупных работ в науке, философии, изящных искусствах или религии. Только работы, в которых нет ничего нового и важного, которые не бросают вызов господствующим идеям, стилям или стандартам, только такие работы, если им вообще суждено быть замеченными, встречают несколько поощрительных откликов и быстро уходят в забвение, не удостоиваясь даже краткого надгробного слова...» [Сорокин: 166]. «Как правило, все нон-конформистские и пионерские идеи вызывают поначалу определенное сопротивление и критику» [Сорокин: 187].

В качестве главных своих научных (да и жизненных) ориентиров Есаулов называет, прежде всего, М. М. Бахтина и А. Ф. Лосева — тот и другой не были «чистыми» филологами, но стремились охватить и понять целое культуры⁶. По этому пути идет и Есаулов, каждая книга которого — «своего рода вызов (или ответ на вызов)» [Есаулов, 2015: 565].

В статьях и интервью исследователь не раз подчеркивал, что видит своей задачей восстановить те «фигуры умолчания», которые были неизбежны в трудах Бахтина, писавшего, как и Лосев, «под <...> несвободным небом» [Есаулов, 2017: 160]. В частности, Есаулов обосновывает понятие *большое время русской культуры*, стремясь выделить и ввести в литературоведческий обиход трансисторические категории, лежащие в основе отечественной культуры: соборность, пасхальность, христоцентризм, закон, благодать. Большое время русской культуры, с точки зрения Есаулова, зиждется на понятии абсолютного мифа (как его обосновал Лосев) с категорическим постулатом Воскресения.

Это положение получило развитие в следующей монографии — «Пасхальность русской словесности». В ней вводится и обосновывается понятие *культурного бессознательного*, выделяются рождественский и пасхальный архетипы, прослеживается их сложное взаимодействие в истории русской литературы. Именно пасхальный архетип, как показывает Есаулов, лежит в основе отечественной словесности. К такому

выводу ученый приходит, подтверждая свои теоретические интенции посредством глубинного анализа произведений Островского, Пушкина, Гоголя, Достоевского, А. Блока, М. Горького, С. Есенина, И. Бабеля, А. Платонова, Б. Пастернака, одновременно демонстрируя методологические перспективы предлагаемого им научного подхода. В свете пасхального архетипа исследователь подробно рассматривает проблемы визуальной доминанты русской словесности и присущую ей иконичность; кардинально корректируя бахтинскую теорию карнавала, он обращается к оппозиции юродства и шутовства в русской культуре и литературе.

В рецензии на «Пасхальность...», опубликованной в журнале «Москва», историк С. М. Сергеев, отметил:

«И. А. Есаулов как раз обладает подлинной исследовательской смелостью, не боится широких обобщений, в то же время умеет блестяще анатомировать художественное произведение вплоть до его мельчайших деталей <...>. Говоря фигурально, ученый одинаково хорошо владеет как микроскопом, так и телескопом, стремясь соединить данные, полученные от наблюдения из обоих инструментов, в единой и стройной теории <...> Есаулова читать всегда интересно и — употребляю и вовсе “неакадемический” эпитет — увлекательно, согласен ты с ним или нет. Кроме <...> “умения взять быка за рога”, увидеть в том или ином тексте то главное, что и нужно обсуждать в первую очередь, глубоко импонирует не только лишь “научная”, но и человеческая, “экзистенциальная” заинтересованность филолога в результатах его штудий. Иван Андреевич героически пытается спрятать личный темперамент, религиозные и гражданские чувства, симпатии и антипатии, восхищение и сарказм за частоколом специально-ученой лексики, но безуспешно. <...> “Пасхальность русской словесности” <...> является непосредственным продолжением монографии “Категория соборности в русской литературе”. Тематически, методологически, идеологически обе работы образуют совершенно очевидный и, как мне представляется, законченный диптих» [Сергеев: 172].

Другой рецензент книги, заведующий кафедрой русской литературы Донецкого университета А. А. Кораблёв, подчеркнул:

«Последовательность и целеустремленность, с какими Есаулов осмысливает историю русской словесности, выдает его не вполне литературоведческий замысел: не только доказать-обосновать оригинальную историко-литературную концепцию, но восстановить в национальном сознании единство и цельность национальной культуры, несмотря на ее видимые противоречия и самоотрицания <...>. Наверное, не будет большим преувеличением сказать, что аналитические опыты Есаулова переворачивают школьные представления об истории русской литературы в целом и об отдельных ее произведениях в частности <...>. Есауловым предложена связка понятий,

объясняющих, с одной стороны, закономерности историко-литературного процесса, а с другой — дающая аксиологический инструментарий для истолкований отдельного литературного явления» [Кораблев: 304, 305, 306].

Как уже было упомянуто, отдельная область научных интересов Есаулова — трансформации русской классики, которые происходят при ее перетолковании в советское время, «вторичная сакрализация» советской эпохи и ее особая мистика. К этому вопросу исследователь обращался как в выше названных монографиях, так и в отдельной своей книге «Мистика в русской литературе советского периода (Блок, Горький, Есенин, Пастернак)» [Есаулов, 2002].

Еще в 1993 году Есаулов был автором одной из глав и составителем книги «“Конармия” Исаака Бабеля», опубликованной в издательстве РГГУ [Есаулов, 1993], а в 2011 году в издательстве «Св. Климент Охридский» Софийского университета вышла его монография «Культурные подтексты поэтики Бабеля» [Есаулов, 2011]. Вопреки господствующему стремлению видеть в произведениях Бабеля своего рода оппозицию победившему большевизму, ученый показывает, что творчество писателя является важнейшей частью раннесоветской литературы. Исследуя поэтику произведений Бабеля, Есаулов описывает те трансформации, метаморфозы и псевдоморфозы, которые претерпевает в них русская культура.

Однако, несмотря на всю академическую успешность в России и далеко за ее пределами — в 2005 году он к тому же получил золотую Пушкинскую медаль за вклад в развитие русской филологии, — положение Есаулова на родине было нестабильным. По воспоминаниям Ивана Андреевича, в первоначальный, «героический» период становления РГГУ там могли уживаться все — от «анархистов до монархистов». Однако постепенно «шестидесятники», оказавшиеся на первых ролях, стали сначала вытеснять на символическую периферию своих инакомыслящих коллег, а затем и вовсе изгонять их из стен заведения. Поскольку Есаулов никогда не был «партийным» человеком, а также не примыкал ни к одному из «кланов», сражавшихся за власть в университете, он со своими чрезвычайно непопулярными в стенах РГГУ научными идеями достаточно долго продержался в роли профессора. Но после смерти декана Г. А. Белой из РГГУ в 2010 году «вычистили», наконец, и его. Одной из «мотивировок», говоря языком формалистов, за неимением более веских, было «неправильное» понимание М. М. Бахтина... Оказалось, что в университете, декларирующем свою прогрессивность и демократичность, представления на самом-то деле очень советские, причем с каждым годом этот советизм нарастал⁷.

Незадолго до этого, когда уже нетрудно было предсказать уход из РГГУ, Иван Андреевич получил предложение от тогдашнего руководства ИМЛИ стать заведующим сектором когда-то знаменитого на всю страну отдела теории литературы. Однако не согласился с этим лестным предложением, предполагавшим назначение «по приказу», настояв на «настоящих» демократических общеинститутских выборах, которые хотя и выиграл, как остроумно сформулировал П. В. Палиевский, «в первый раз со времен Каменева», но нескольких голосов для квалифицированного большинства ему все-таки не хватило. С этого времени Есаулов сосредоточился на создании, по его выражению, структур, которые нельзя слишком просто «уничтожить» недоброжелателям: научно-образовательных электронных порталов. В настоящее время он редактирует три подобных издания, в свое время созданных при поддержке РГНФ⁸.

После краткого периода работы в приютившем его Московском институте лингвистики, Иван Андреевич возглавил им и организованную кафедру русской словесности Российского православного университета Иоанна Богослова и стал директором Центра литературоведческих исследований того же университета.

В 2012 году тогдашний ректор Литературного института им. А. М. Горького, Борис Николаевич Тарасов, пригласил Ивана Андреевича на кафедру русской классической литературы и славистики, где он и работает в должности профессора по настоящее время. С писательским миром Ивана Андреевича связывает и то, что с 1995 года он стал членом Союза писателей России (вступив туда не в период материального благоденствия Союза, а во время призывов его разогнать), а с 2017 — русского ПЕН-центра (во время аналогичной медийной кампании против уже этой организации): так что в обоих случаях это «членство» было своего рода протестной акцией.

В 2012 году вышла монография Есаулова «Русская классика: новое понимание» (переиздана в 2013 г. и дополнена четырьмя новыми главами в 2017) — «монументальный итог многолетней напряженной работы исследователя» [Звонарева, 2012: 5]. Этот труд целостно представил новую концепцию истории русской литературы, базирующуюся на описании доминантного для России типа христианской духовности. Отечественная словесность рассматривается здесь в большом времени русской православной культуры.

«Как это принято в подобных типах дискурса, методологическая экспликация авторских позиций представлена в форме полемики, в которой в духе сократовской майевтики рождаются научные истины. В этом смысле Есаулов показал себя как прекрасный знаток не только русского литературоведения, но и западных постструктуралистских теорий <...>. Многие ее (книги. —

Ю. С.) идейные послы могут стать побуждением к иному изучению других литератур, возникших в рамках православного наследия, к примеру, сербской литературы. Кроме того, несмотря на методологические рамки и строго очерченный материал, отдельные прочтения настоящей книги открывают возможности для иных толкований и “не-русских” или неправославных авторов, хотя и в несколько ином ключе» [Попович: 218, 222–223]⁹, —

замечает профессор Белградского университета Таня Попович.

Новое *понимание* Есауловым русской классики базируется на разработанной им в предыдущих трудах оригинальной концепции истории отечественной словесности. Смыслы художественных текстов проясняются через детальный анализ их поэтики, который основывается на новых филологических категориях с учетом большого времени русской православной культуры. Категории эти, как подчеркивает автор, не «выдуманы» им и не навязаны русской литературе и культуре извне, но органически выведены из ткани самих художественных произведений. Православные ценности, как показывает ученый, столь глубоко прошли в ткань русского бытия, что проявляются в литературе не только осознанно, но и глубинно, исподволь, порою даже вопреки рациональной воле и установкам писателей.

Так, через анализ поэтики Есаулов приходит к выводу, что подлинным смыслом «После бала» Л. Толстого оказывается не обличение «недолжной» царской России, но оскудение любви в душе самого рассказчика.

Особое внимание в книге уделяется национальному образу мира, наличию православного кода и культурного бессознательного в поэтике произведений. Углубляя и расширяя сделанные ранее наблюдения над древнерусскими текстами, Есаулов рассматривает особенности «перехода» русской литературы от Средневековья к Новому времени (специально останавливаясь на оде Державина «Бог»). Отдельные главы ученый посвящает творчеству Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Островского, Чехова, Блока, Горького, Есенина, Платонова, Пастернака, а также писателям русского зарубежья (Бунину, Шмелеву и Набокову).

Научные взгляды и оценки Есаулова обсуждались на самых разных научных мероприятиях как в России, так и за рубежом. В качестве центральных они выносились на обсуждение в рамках проводимых им самим при участии Балтийского университета им. И. Канта на морском побережье в Раушене-Светлогорске международных Балтийских семинаров-дискуссий (их темы: «Архетипы русской литературы: поиск традиции», «Карнавал и карнавализация в литературе: юродство и шутовство», «Народная

культура и православие», «Родное и вселенское»). Организатор подчеркнул, что замысел этих встреч был таким, чтобы они несколько напоминали знаменитые «летние школы» при Тартуском университете, «только были лучше», свободнее, ибо дискуссии разгорались не «внутри» единой научной парадигмы («структурно-семиотической» в тартуском случае), но возникали от столкновения принципиально различных научных подходов.

На последнем, V Балтийском международном семинаре-дискуссии «Структуры повседневности и творческий эксперимент в русской словесности, философии, культуре» [см.: «Структуры повседневности...»] (двенадцатая по счету международная конференция, организованная Иваном Андреевичем) была презентована новая монография «Постсоветские мифологии: структуры повседневности», впоследствии отмеченная Бунинской литературной премией (2016). Своего рода «данью» ученого малому времени постсоветской повседневности — отдав которую можно было уже всецело погрузиться в большое время и писать о «вечном» (см.: [Есаулов 2020 (a)]) — стала монография «Постсоветские мифологии: структуры повседневности», впоследствии отмеченная Бунинской литературной премией в 2016 г. В предисловии Есаулов отсылает читателей к «Диалектике мифа» Лосева и «Мифологиям» Р. Барта и в дальнейшем использует исследовательские стратегии того и другого авторов. Книга вобрала в себя блоговские заметки ученого «на злобу дня» из особого раздела электронного портала <http://esaulov.net>, в которых демонстрируются различные формы современных «относительных» мифологий, комментарии читателей к ним, а также диалог автора с этими читателями. Во вторую часть книги «Аксиология русской культуры» включены избранные научные работы Есаулова за четверть века (в основном, острополемиического характера), подчеркивающие неизменность его позиции, выдержки из интервью исследователя и фрагменты рецензий на его монографии (как хвалебные, так и ругательные).

В 2017 году вышли две большие научные работы Есаулова, где он выступил и как автор, и как редактор или составитель. Обе они направлены на осмысление отечественной литературы и культуры в мировом контексте, обобщение и систематизацию разнообразных ее оценок, перетолкований, трансформаций. Это коллективная монография «Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте» (в соавторстве с Б. Н. Тарасовым, А. Н. Ужанковым, Ю. Н. Сыгиной и др.) и составленный совместно с Т. Г. Петровой в рамках серии «Русский путь» том «Русская классика: Pro et contra. Железный век, антология» с концептуальной вступительной статьей Есаулова «Рецепция отечественной классики в период русской Катастрофы».

В самое последнее время интересы ученого сосредоточились на генерализации категории *парафраза* и развитии оригинальной научной гипотезы, согласно которой «становление новой русской литературы происходит вследствие не однонаправленного, а двунаправленного воздействия на нее различных по своему происхождению культурных токов». Русская литература петровской и последующей эпох, таким образом, развивается как «“перевод” существующей православной культурной модели как таковой на “язык” Нового времени, а также параллельный ему “перевод” новоевропейских культурных форм на складывающуюся русскую литературу» [Есаулов, 2019(b): 30], (см. также: [Есаулов, 2020(b)]). Эта концепция — и органическое продолжение прежнего *понимания* Есауловым русской литературы, и попытка осмыслить ее одновременно в западноевропейском культурно-историческом контексте.

Концепции, идеи и интерпретации Есаулова имеют богатый научный потенциал, и, несмотря на попытки части постсоветского гуманитарного сообщества активного сопротивления им, они прорастают в филологических трудах его коллег и последователей, используются в преподавании, учитываются при переиздании произведений русских классиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так в тех сибирских краях называют пасхальный кулич.

² О научном уровне мероприятий и географии участников и можно получить представление, зайдя на портал «Постсимволизм»: <http://www.postsymbolism.ru/joomla>

³ Посвящена памяти отца — Андрея Мартыновича Есаулова.

⁴ То же можно сказать и о таких новых категориях русской филологии, предложенных Есауловым, как пасхальность и христоцентризм.

⁵ «A key observation of his is that Soviet literature was not so much atheist or even materialist, as it was anti-Christian. It allowed the deification of Lenin, had its own catalogue of martyrs, and created a rich revolutionary mythology» (перевод мой. — Ю. С.).

⁶ Размышляя над принципиальной разницей в понимании культуры у Лосева и Бахтина, «научные системы» которых «не только никоим образом не “совпадают” в каком-то едином поле, но и находятся, так сказать, в перпендикулярных вселенных» [Есаулов, 2019a: 737], исследователь пришел к неожиданному выводу о том, что «бахтинское разграничение большого и малого времени <...> каким-то образом можно соотнести с понятиями абсолютной и относительной мифологий, которые представлены в “Диалектике мифа” Лосева» [Есаулов, 2019a: 740].

⁷ См. об этом небольшой фельетон «От ВПШ к РГУ и обратно», размещенный вначале на портале esaulov.net, а затем опубликованный в Западно-Европейском Вестнике Русской Православной Церкви Заграницей, см.: <https://www.karlovitchanin.eu/index.php/evenements/470-2011-02-25-23-43-48>

⁸ «Русская литература: оригинальные исследования» (<http://russian-literature.com>), «Трансформации русской классики» (<http://transformations.russian-literature.com>), «Постсимволизм» (<http://www.postsymbolism.ru/joomla>).

⁹ «И како је већ обичај у таквим видовима дискурса, методолошка експликација ауторских ставова уобичлена је као полемика из које се у духу сократовске мајеаутике рађају научне истине. У том погледу, Јесаулов се показује као одличан познавалац не само руске науке о књижевности, већ и савремених западних постструктуралистичких теорија. <...> Многе њене поставке могу бити веома подстицајне и за изучавање других књижевности насталих у православном наслеђу, попут српске. Исто тако, примећујемо да без обзира на методолошке оgrade и строго издвојену грађу, поједина читања ове књиге наговештавају могућности другачијих тумачења и „неруских“ или неправославних књижевних остварења, премда у нешто другачијем кључу» (перевод Н. П. Видмарович. — Ю. С.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вахрушев В. С. Письмо провинциала // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 34. — С. 434–436.
2. Вахрушев В. С. Пасхальность и литература // Волга-XXI век. — 2006. — № 3–4. — С. 215–217.
3. Гудков Л. Д. Амбиции и ресентимент идеологического провинциализма: Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995 // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 31. — С. 353–371.
4. Дарвин М. Н. Всесоюзный студенческий конкурс на лучшую научную работу по филологии // Филологические науки, 1984. — № 5 — С. 89–91.
5. Есаулов И. А. К разграничению понятий «целостности» и «завершенности» // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. — Кемерово: КемГУ, 1988. — С. 15–23.
6. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. — 288 с. (а)
7. Есаулов И. А. Культурные подтексты поэтики Исаака Бабея. — София: Университетское издательство «Св. Климент Охридски», 2011. — 72 с.
8. Есаулов И. А. Мистика в русской литературе советского периода (Блок, Горький, Есенин, Пастернак). — Тверь: Тверской ун-т, 2002. — 68 с.
9. Есаулов И. А. Мифологии А. Ф. Лосева в большом и малом времени русской культуры // Философ и его время: К 125-летию со дня рождения А. Ф. Лосева. XVI Лосевские чтения. — М.: МАКС Пресс, 2019. — С. 737–740. (а)
10. Есауловъ И. А. О любви. Радикальные интерпретации. — Магаданъ: Новое Время, 2020. — 216 с. (а)
11. Есаулов И. А. О Сцилле либерального прогрессизма и Харибде догматического начетничества в изучении русской литературы // Проблемы исторической поэтики. — 2008. — Вып. 8. — С. 606–660.
12. Есаулов И. А. От великой русской культуры осталась разве что маленькая часовенка: [Интервью] // Православие и мир. — 2013. — 17 апреля [Электронный

- ресурс]. — URL: <https://www.pravmir.ru/ivan-esaulov-ot-velikoj-russkoj-kultury-ostalas-razve-chto-malenkaya-chasovenka/>
13. Есаулов И. А. Парафраз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — № 2. — С. 30–66 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561976111.pdf (15.10.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262 (b)
14. Есаулов И. А. Постсоветские мифологии: структуры повседневности. — М.: Академика, 2015. — 608 с.
15. Есаулов И. А. *Родное и вселенское* в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя: Парафрастический контекст понимания // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 175–210 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582894223.pdf (15.10.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7322 (b)
16. Есаулов И. А. Русская классика: Новое понимание. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во РХГА, 2017. — 550 с.
17. Есаулов И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения: «Миргород» Н. В. Гоголя. — М.: Изд-во РГГУ, 1995. — 102 с. (b)
18. Есаулов И. А. Этическое и эстетическое в рассказе «Пан Аполек» // «Конармия» Исаака Бабеля. — М.: Изд-во РГГУ, 1993 (в соавторстве с Г. А. Белой и Е. А. Добренко). — С. 102–117.
19. Есаулов И. А., Сытина Ю. Н. Объяснение, интерпретации и понимание в изучении и преподавании литературы // Вестник Воронежского государственного ун-та. Серия: Филология. Журналистика. — 2019. — № 2 (42). — С. 21–25.
20. Захаров В. Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Проблемы исторической поэтики. — 1998. — Вып. 5. — С. 5–30 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (15.10.2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2472
21. Звонарева Л. Большое время // Книжное обозрение. — 2012. — № 17 (2341). — С. 5.
22. Кораблев А. А. Книга о Воскресении // Подходы к изучению текста. — Ижевск: Удмуртский госун-т, 2007. — С. 301–307.
23. Сергеев С. М. Пасхальный архетип русской культуры // Москва. — 2005. — № 7. — С. 171–177.
24. Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография. — М.: Моск. рабочий; ТЕРРА, 1992. — 315 с.
25. «Структуры повседневности и творческий эксперимент в русской словесности, философии, культуре» (V Балтийский международный семинар-дискуссия) / Есаулов И. А., Киселева И. А., Сытина Ю. Н., Степанян Е. В., Коршунова Е. А., Михаленко Н. В., Гильмахов В. Х. // Вестник Московского государственного областного ун-та. — 2015. — № 3. — С. 1–45 [Электронный ресурс]. — URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/703> (15.01.2020)
26. Поповић Т. Ново читање руске класике // Зборник Матице српске за славистику. — № 84. — Нови сад, 2013. — С. 217–223. На серб. яз.
27. Terras Victor. A Christian Revolution in Russian Literary Criticism // Slavic and East European Journal. — 2002. — Vol. 46. — No. 4. — Pp. 769–776.

Yuliya N. Sytina (Moscow)
I. A. Esaulov in large and small time

The article analyzes the life and work of the Russian philologist, Professor Ivan Andreevich Esaulov. The main stages of the scientists' biography and his main scientific works are investigated. The article outlines Esaulov's genealogy, the choice of philology as a profession, the main stages of his scientific and teaching career. The main scientific works of Esaulov are listed and his central scientific ideas are presented. The principles of the concept of a new history of Russian literature are analyzed. The article gives an idea of both the life of Esaulov in the small time of Soviet and post-Soviet reality, and his dialogue with the large time of Russian culture.